

К. Лебедева

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

Новая повесть В. Тендрякова называется «Саша отправляется в путь». Тысячи молодых людей пробуждаются к сознательной жизни, хотя наилучшим образом приложить силы к построению коммунизма. Тендряков помогает им как следует собраться в дорогу: он указывает препятствия, которые стоят на пути.

Мы знакомимся с Сашей в трудную для него минуту: умер его отец, первый секретарь райкома Комелев, бывший для Саши идеал настоящего человека и коммуниста. Это он научил сына уважать человеческий труд, любить запах земли, родящей хлеб людям. Он сказал Саше:

«Красива наша земля. А на такой вот красивой земле надо сделать красивую жизнь. Споткнусь, не удастся мне — ты ее сделаешь».

Глубоко запали эти слова в душу мальчика, незаметно для него сделались двигателями всех его поступков, всех стремлений. Желание осуществить мечту отца стало сокровенным делом жизни. Потому-то после окончания десятилетки и не стал искать Саша работы в учреждении, попросился в колхоз...

Саша попал под начало председателя Игната Гмызина, человека в высшей степени примечательного. Без малого в сорок лет, имея на своих плечах семью, колхоз, он сел за школьную парту, чтобы сдать экстерном за десятилетку и учиться заочником в сельскохозяйственном институте.

И этот-то Игнат Гмызин, которому Саша стал верить почти как отцу, нечаянно оказался виновником тяжелого потрясения. Ночью случайно Саша услышал, как в разговоре с заведующим отделом пропаганды Каршинновского райкома партии Павлом Мансуровым Игнат Егорович сказал:

«Человеческие качества?.. Да в них ли дело? Комелев, слава тебе господи, имел эти качества, не пожалуешься. Честный, прямой... За то, чтоб хорошее людям сделать, на все готов, хоть с любого обрыва в воду... Плохо, если руководитель не имеет этих человеческих качеств, но этого, брат,

мало... Хороший руководитель на две стороны слышит. Плохой туг на одно ухо: что сверху прикажут — на лету схватит, что снизу посоветуют — не доходит. Вот оно, качество-то... Тем и плох Комелев, что, как ручей по весне, все в одну сторону нес — сверху вниз. Людей любил, добра им желал, а не доверял».

Эти слова ошеломили Сашу. И раньше от отца приходилось слышать, что в районе трудная жизнь, полно непорядков, но Саша и подумать не мог, что в непорядках повинен его отец. Он со своей мечтой устроит красивую жизнь на красивой земле, надорвавший здоровье ради людей! Не может этого быть!

Саша решил от Гмызина уйти. Игнат не стал удерживать, только сказал: «От правды бегаешь?»

Правда! Так ведь лишь о ней и думает Саша! На чьей же она стороне?

Вот главный вопрос повести. Посмотрим же, как Тендряков его разрешает.

Комелев был виноват в том, что не прислушивался к мнению снизу. Работа его поэтому оказалась бессмысленной. Мансуров прислушался к тому, что говорят люди. Из собственных наблюдений, из разговоров с председателями колхозов, особенно с Игнатом Гмызиным, он понял, что спущенный сверху план не соответствует природным особенностям их района, и решил всем раскрыть на это глаза. А раз причины большинства непорядков в районе будут известны, ошибки вскрыты, ничего другого не останется, как исправлять их. Мансуров шел на бюро райкома, которое должно было обсуждать собранные им материалы, уверенный в победе: ведь он действует как коммунист и будет говорить с такими же коммунистами: закон, правда на его стороне. Но бюро оказалось обнародовать материалы Мансурова: так как они подрывали спущенный сверху план. При разделившихся голосах решающим оказалось мнение последнего выступавшего. «Дисциплина есть дисциплина», — сказал этот последний, райвоенком Пугачев, похоронив тем самым мечту Мансурова.

Мало, оказывается, знать причины недостатков: надо сначала изменить комелевские порядочки. А они живучи.

В. Тендряков. Саша отправляется в путь. Повесть. «Новый мир», 1956, №№ 2, 3.

Но вот первым секретарем райкома стал Мансуров: его материалы, посланные ради объективности в обком, пришлось кстати, так как уже готовилось решение партии и правительства об изменении практики планирования в сельском хозяйстве. Мансурова заметили, вскоре он был избран первым секретарем вместо Баева. Теперь уже ни Комелев, ни Баев не стояли за спиной. Сам голова района, есть где размахнуться...

Став секретарем райкома, Павел, однако, неизвестно переменялся, из борца за правду превратился в карьериста. На областном совещании передовиков, где распределялся прибывающий в область скот, Мансуров дал обязательство: взять в свой район пятьсот голов. Район не был подготовлен к приему такого количества скота. Но Мансуров знал: по названной цифре будут измерять работу районных руководителей.

Смелое обязательство сразу выдвинуло его. Оно же оказалось первым шагом к будущей катастрофе. После совещания к Павлу подошел секретарь обкома Курганов, заговорил: «Смело действуй. Но будем требовать, чтобы весь скот прижился. Ни одной твоей жалобы, ни единой слезинки не примем во внимание». И Павел понял, что отступить от своих слов ему не дадут.

Потому-то повернул круто коршуновский секретарь, когда в неподготовленных колхозах появились первые случаи падежа. Ничего не принял во внимание: ни преклонных лет председателя Федосия Мургина, четверть века бесменно руководившего колхозом, ни мольбы его — не снимая с председателя, поверить: теперь уж он костями ляжет, а выправит положение. Мансурову одно было нужно: так ударить, чтобы другие задумались.

После разговора в кабинете у секретаря райкома Федосий Мургин повесился.

Мансурова друзья предупреждали, советовали признать перед областью свои ошибки. Ничего не хотел он слушать: попробуй-ка признаться, грянет гром из обкома, пыль пойдет от секретаря Мансурова. Всё припомят: скот, бескормичу, даже смерть Мургина. А куда он денется, если отстранят от партийной работы? Не инженер, не учитель, не агроном — офицер запаса. Нет профессии.

В свое время Саша отказался от предложения инструктора райкома комсомола Кати Зеленцовой работать у них.

Мотивы отказа его настолько важны, что стоит привести разговор целиком.

«— Высокое дело? Это верно... — неохотно заговорил Саша. — Только ты сама портишь его.

— Я тебя не понимаю.

— Что тут не понимать? Говоришь — высокое дело, а предлагаешь его мне, непроверенному человеку.

Катя рассыпалась веселым мелким смехом.

— Милый ты мой Сашенька! Да какой же ты непроверенный! У тебя и проверять нечего. Вот ты весь как на ладони: за границей не бывал, связей — даже с девочками — не имел. Не-про-ве-ре-н-ный!

Саша фыркнул осуждающе.

— Ответила!.. Привыкла мерить анкетой: был ли за границей, имел ли связи?.. Я пять дней назад узнал только, как в косилку лошадей запрягают. Где уж там проверенный! И такого сразу заведовать чем-то.

Снисходительный Катин тон и пристальное разглядывание задела Сашу. Он заговорил резко:

— Ты вот станешь секретарем райкома комсомола, пойдешь на курсы — поставят заведующим отделом в райкоме партии, может, до партийного секретаря дорастешь. А такой, как Игнат Егорович Гмызин, есть председатель и останется им. Он-то свой колхоз уж будет знать. Тебе придется ему советы разные давать, учить его, а что ты ему посоветуешь, если даже лошадь толком запрячь не умеешь?»

Саша понимал, что руководить людьми можно, лишь обладая многими знаниями и трудовыми навыками. И, откинув юношеские романтические мечты, начал с изучения того, как запрягают лошадь в косилку. Он понимал, что это даст ему необходимую устойчивость в борьбе за человеческое счастье.

У Павла Мансурова не было такой устойчивой опоры. Всю жизнь он стремился к чему-то необыкновенному. Работал ли делопроизводителем в конторе леспромхозовского орсра, слесарем, монтером в городе, администратором кинотеатра — всюду это было «не то», не настоящее, и он рвался к другому, значительному. Когда начал борьбу, понял: вот она, жизнь! Сделать свой район лучшим, на его опыте — победа всей области... Чем черт не шутит! Не боги горшки обжигают. Так, должно быть, и вырастают люди, управляющие государством... Павел верил, что только беспокойные люди двигают жизнью. Люди спокойные, уравновешенные делают то, что им указано. И, думая так, он шел по зыбкой дорожке интриг, обмана, создавая видимость благополучия.

Человек, которого считали честным, оказался карьеристом. Но как он мог так легко обмануть всех? Почему не спохватились вовремя, позволили наделать преступлений? Предупреждали, протестовали Игнат Гмызин, еще несколько председателей; а остальные? Почему ничего не видела Катя, любящая Мансурова? Незаурядная девушка, она за счастье сочла бы отдать свою жизнь во славу партии. Правда, говорят, любовь слепа. Но ведь не просто человеческих недостатков не видела Катя — Мансуров был для нее идеалом настоящего коммуниста. Она и полюбила его потому, что видела в нем человека особенного, не похожего на других. Часами могла простаивать, глядя на освещенное окно его райкомовского кабинета:

«Там, за знакомыми окнами, сидит не просто близкий человек, любимый ею, нет, там человек, создающий жизнь. Как знать, может, именно в эти минуты он решает важный вопрос для засыпающего села, для разбросанных по лесам и полям деревень, для тысяч людей, живущих в них... Для всех. Всем хочет он счастья. Слышно: ребята идут с гармошкой из рощи... Все обычно, никто не думает о том, что делается за этими окнами,

кто там сидит. Он же помнит о них. Это его обязанность».

Катинь мысли кажутся нам что-то уж слишком знакомыми... Мы их слышали тысячу раз, только по другому поводу. Так вот где источник странных взглядов Мансурова! Ведь и мы верили, что на земле могут существовать люди, способные все знать и думать за всех, сами не нуждаясь в помощи и совете. А теперь представим, что так думать будут не один, не два человека, а, скажем, большинство населения района. Какая благоприятная почва для осуществления самых смелых замыслов талантливых честолюбцев, вроде Мансурова!

Повесть «Саша отправляется в путь» — явление качественно новое в нашей литературе последних лет.

Тендряков в яркой художественной форме с подлинно партийных позиций заговорил о последствиях культа личности, об оставленных прошедшим периодом стиле и методе местного руководства, когда цифре доверяли больше, чем человеку, и думали не столько об исправлении ошибок, сколько о наказании за них.

Что же дает совсем еще молодому писателю силу и право говорить о главных недостатках нашей действительности, безбоязненно докапываться до их корней?

Чтобы понять это, достаточно указать на образ Игната Гмызина — удивительно достоверное обобщение лучших качеств нашего народа. Это Игнаты Гмызины выстояли в смертельной схватке с врагом, они тащили на себе все тяготы военных лет, одевая и обувая

фронт, снабжая его оружием и продовольствием; и после войны они вытягивали колхозы, кропотливо, как муравьи, налаживая хозяйство. Таким вот рядовым коммунистам большого сердца и государственного ума обязаны мы всеми нашими достижениями. От облика Игната Гмызина, от всей его крепкой фигуры, прочно стоящей на земле, веет спокойной силой и уверенностью. Это спокойствие человека честного. Это уверенность труженика.

Писатель, который так видит и понимает свой народ, может не бояться ни Баевых, ни Мансуровых. С ним миллионы Игнатов Гмызиных, а это и есть партия.

Тендряков написал немного. Но это многое имеет ярко выраженное направление. Внимание писателя привлекает главным образом то, что мешает правильному развитию нашей жизни. А жизнь он умеет любить бескорыстно и пламенно. Описание природы у него живые и тонкие. О колыхании ржаного колоса, о лунном зайчике, поглаживающем девичью кофточку, пишет он поэтически и серьезно: все это нужно, потому что это красиво, потому, что это — жизнь! Тендряков умеет показать, как красива наша земля.

Чтобы построить на этой красивой земле красивую жизнь, надо осознавать наши ошибки и промахи. А путь знания труден. Сколько на нем разбросано камней, на каждом шагу можно споткнуться! Но на него уже вступили многие советские писатели. А сколько молодых сил отправляется в путь!

Можно не сомневаться в том, что они помогут партии в ее борьбе за счастье людей.